

Алан Александр Милн

Когда-то, давным-давно

[...Ранее](#)

продолжение

Глава 15

Гиацинту ожидает любовь

И вот на следующее утро перед завтраком Виггз поднялась на башню и загадала желание. Она посмотрела на луга, на мирно бегущий по долине ручей, на лес, где она встретила свою фею, и вздохнула.

– Прощайте, танцы...

Потом, подняв кольцо, она решительно произнесла:

– Я вчера весь день вела себя очень хорошо, и, пожалуйста, я хочу, чтобы принц Удо выздоровел.

Целую минуту царила ничем не нарушаемая тишина. Потом из комнаты принца послышались следующие знаменательные слова:

– Немедленно уберите отсюда эту гадость и принесите мне бифштекс и кубок красного вина!

Плача и смеясь, Виггз прошептала:

– По крайней мере, говорит он, как здоровый... Я очень рада.

Силы внезапно ее покинули. Она поспешила вниз по лестнице и выбежала из дворца – прочь, прочь от Удо, и принцессы, и графини, и всех их разговоров – в прохладную лесную сень, где можно побыть одной и в слезах излить печаль о том, что утрачено навсегда.

В лесу было совсем тихо. Она села у подножия своего любимого дерева – столетнего дуба, который стоял на краю лощины, спускавшейся к ручью. Вот здесь, на шелковистой зеленой траве, она могла бы танцевать, а теперь... никогда... никогда...

Долго ли она так сидела? Наверное, довольно долго, потому что лес, безмолвный вначале, теперь наполнился звуками. Деревья что-то шептали ей, птицы повторяли это в пении, а ручей тоже пытался повторять, только все время сбивался, и трава шелестела. Постепенно Виггз стала различать слова: "Вставай, вставай... Вставай и танцуй".

Она поднялась, слегка испуганная. Все вокруг казалось необыкновенно красивым. Никогда прежде она не ощущала ничего подобного. Да, она попробует танцевать – просто в знак благодарности за это чудо. Может быть, они простят, если у нее не очень хорошо получится.

– Это будет вместо "спасибо"! А потом я уже никогда не стану танцевать.

И она начала танцевать...

...Где ты. Гиацинта? Здесь тебя ждет любовь...

Разгар весны. Черный дрозд открывает желтый клюв и поет холодно и чисто. Утро полно волшебства. Небо, синее в вышине, переходит в бледную голубизну там, где встречается с вершинами холмов. Тебя ждет ветер – пойдешь ли навстречу? Холмы зеленеют для тебя. В зеленоватом тумане стоят высокие буки, на них воркуют лесные голуби. По белой дороге, по полям примул пришел тот, кто ищет тебя. Где ты, Гиацинта?

Виггз немного постояла, едва переводя дыхание, а потом стала танцевать снова.

Летний полдень. Солнце льет на землю горячие лучи. "Ку-ку" – доносится из чащи темно-зеленых деревьев. "Ку-ку" – снова кричит птица и улетает, не дождавшись ответа. Поля – зеленые и золотые – мирно спят у полноводной реки. Воздух полон ароматами лета. Где ты, Гиацинта? Разве не это условленное место? Я ждал тебя так долго!

Виггз остановилась, а человек, наблюдавший за ней из-за кустов, тихонько скользнул прочь, взбудораженный увиденным и собственным воображением.

А Виггз полетела во дворец, чтобы сообщить всем, что она умеет танцевать.

– Сказать, как это случилось? – лениво проговорил Удо, увидав Виггз. – Я просто прочитал один стишок – ну, знаешь, задом наперед, и вот, пожалуйста...

– О-о-о!!! – воскликнула Виггз.

Глава 16

Бельвейн развлекается

Удо проснулся, когда вошла служанка и принесла ему утреннюю порцию овсянки. Как только она закрыла за собой дверь, он вскочил, стряхнул солому и произнес со всей возможной решимостью и надеждой:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

А потом, на всякий случай, наоборот:

Вол, вил, во, во.

Бол, бил, бо, бо!

Это действительно был его последний шанс. Обессиленный, принц рухнул на соломенную подстилку и снова заснул. Прошел почти час, прежде чем он проснулся по-настоящему.

Мне не хотелось бы вдаваться в подробности его ощущений. Предоставим это Роджеру Кривоногу. Между нами говоря, Роджер – немного сноб. Отчаяние принца Удо, обращенного в животное, восторг принца Удо, вновь обретшего человеческий облик... Мне кажется, что любой из нас, хотя бы и не принц, обрадовался бы точно так же. Я уверен, вы можете представить, что почувствовал Удо, снова став человеком. Он прошелся по комнате. Он сто раз посмотрелся в зеркало. Он протягивал руку воображаемой Гиацинте со словами: "Милая принцесса, как вы поживаете?" Никогда еще он не казался самому себе таким привлекательным и таким мужественным. Во время очередного пируэта его взгляд упал на миску с овсянкой, и тут-то он и произнес фразу, которую услышала Виггз и которую я уже имел удовольствие цитировать.

Действительная встреча с Гиацинтой оказалась даже замечательней, чем ему рисовало воображение. Не смея поверить своим глазам, она порывисто схватила его за руку со словами: "О! Удо, дорогой, я так рада!" Удо подкрутил усы и совсем развеселился. За завтраком (Удо подкрепился на славу) они обсудили планы. Первым делом надо было вызвать графиню. За ней послали служанку.

– Если вы предоставите мне вести допрос, – сказал Удо, – я не сомневаюсь, что мне удастся...

– Думаю, что теперь, когда вы со мной, я смогу вести себя по-другому. Я не буду так ее бояться.

Вошла служанка.

– Ее светлость еще не выходила, ваше высочество.

– Как только она появится, передайте, что я хочу ее видеть.

Удо тем временем высказывал свои соображения:

– Вы мне рассказывали про ее фальшивую армию. Так вот, одно из моих предложений – а я успел придумать множество, пока был... ээ... нездоров – это чтобы она организовала настоящую армию на свои средства и навечно сделалась в ней младшим сержантом.

– Разве это наказание? – наивно спросила принцесса.

– Еще какое! Потом, я придумал...

Снова вошла служанка.

– Ее светлости слегка нездоровится, и она решила остаться в постели.

– А ее светлость не говорила, когда намерена выйти?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Ее светлость вообще не собирается сегодня выходить. Ее светлость сказала, что она не знает, когда сможет встать.

Служанка ушла, а Удо с принцессой засели в углу, обескураженные неожиданным поворотом событий.

– Не знаю, что и делать, – сказала Гиацинта. – Не можем же мы вытащить ее из постели. Может, она и вправду больна. Вдруг она останется там навсегда?

– Конечно, – предложил Удо, – было бы очень...

– Видите ли, если мы...

– Вероятно, мы могли бы...

– Доброе утро, ваши королевские высочества! – прозвучал как гром среди ясного неба отчетливый голос графини Бельвейн. Она опустилась перед принцессой в необыкновенно изящном реверансе. – Ваше королевское высочество... И милый принц Удо в своем прежнем блистательном обличий!

На графине был восхитительный туалет. В золотом платье с глубоким вырезом, открывающим ослепительную белизну шеи, с двумя прядями темных волос, спускающимися до колен и перевитыми нитями жемчуга, она была похожа на самую настоящую королеву, в то время как Удо и принцесса казались жалкими злоумышленниками, застигнутыми врасплох за обсуждением гнусного заговора.

– Я... я думала, вы плохо себя чувствуете, – пролепетала принцесса, пытаясь прийти в себя.

– Я плохо себя чувствую?! – воскликнула Бельвейн, прижав руки к груди. – Мне казалось, что это его высочество... Но теперь он выглядит как настоящий принц.

Она взглянула на Удо, и в этом взгляде было столько восхищения, юмора, призыва и я не знаю, чего еще, но только у того разом вылетело все из головы и он мог только взирать на нее с изумлением и восторгом.

Несомненно, само ее появление было тонко рассчитанным шагом. Никогда не знаешь, как поведет себя женщина, подобная Бельвейн, но, мне кажется, она намеренно старалась казаться попроще в последнее время, чтобы потом явиться во всеоружии своей красоты. Положение дел действительно складывалось не в ее пользу: принц снова стал человеком, и именно на человека, мужчину, был рассчитан ее новый удар.

А Удо именно сейчас являл собой самую легкую добычу. То обстоятельство, что он снова стал привлекательным для женщин, заслонило в его глазах все остальное. Стать привлекательным в глазах Гиацинты было бы вполне достаточно для любого, но Удо ощущал какую-то неловкость. Он не мог забыть, что принцессе приходилось его жалеть, а быть объектом жалости – не самое достойное положение для мужчины. Другое дело – Бельвейн.

Тем временем Гиацинта полностью овладела собой.

– Довольно, графиня, – проговорила она твердо. – Мы не забыли ваших происков, мы не забыли вашего нападения на принца Удо. Я приказываю вам оставаться во дворце до тех пор, пока мы не решим, что с вами делать.

Бельвейн кротко опустила глаза.

– Повинюсь приказаниям вашего высочества. Когда я понадобится вашему высочеству, вы найдете меня в саду.

Она бросила еще один мимолетный взгляд на принца и удалилась.

– Я ее просто ненавижу, – сказала Гиацинта. – Что мы с ней сделаем?

– Я думаю, сначала мне следует поговорить с ней самому. Не сомневаюсь, мне удастся вытянуть из нее подробности заговора. В нем могут быть замешаны знатные люди, и в этом случае необходимо действовать с особой осторожностью. С другой стороны, может быть, она просто ошибалась...

– Вы считаете, что она просто ошибалась, когда превращала вас в...

Удо поспешно поднял руку.

– Я это отлично помню. Будьте уверены, она свое получит. Покажите мне дорогу в ее сад.

Гиацинта уже не знала, что и думать о своем госте. Когда она впервые увидела его в человеческом облике, контраст с прежней внешностью был столь разителен, что он показался ей почти тем самым принцем из ее снов. Но каждая следующая минута приносила разочарование: лицо слишком тяжелое, манеры слишком напыщенные, а в недалеком будущем он наверняка растолстеет.

Более того, он вел себя излишне самоуверенно. Принцесса, конечно, нуждалась в его помощи, но не до такой степени, чтобы он хозяйничал в доме, как вздумается.

А Удо, предчувствуя увлекательный день, направился в сад графини. Он уже бывал здесь раньше, но сейчас сад показался ему намного красивее, а женщина, вновь ожидавшая его появления, гораздо более привлекательной.

Бельвейн подвинулась, освободив место на скамье.

– Я всегда сочиняю в саду. Не знаю, как ваше высочество относится к поэзии...

– Чрезвычайно, – ответил Удо. – Сам я, правда, не пишу и не особенно много читал, но я от всего сердца восхищаюсь теми, кто... ээ... ею восхищается. Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить о поэзии, графиня.

– Не для того? – удивилась графиня. – Но вашему высочеству, без сомнения, знакомы произведения Сахарино – величайшего из бардов Арабии.

– Сахарино... Как же, как же. Кровь за что-то, он, кто кто-то. Я хочу сказать, что это действительно прелестно. Но я должен побеседовать с вами о другом.

Кровь за кровь, и острый меч на крепкий щит.

Моя песня для того, кто ночью вскачь во мглу летит... -

мягким голосом процитировала графиня. – Это, возможно, самая драгоценная из жемчужин его творчества.

– Это оно! – восторженно вскричал Удо. – Я это знал! Я знал, только не мог... – Он внезапно оборвал сам себя, вспомнив, при каких обстоятельствах он не мог. Удо внушительно откашлялся и в третий раз объяснил, что целью его прихода отнюдь не являлась беседа о поэзии.

– Но мне кажется, что самая прекрасная его вещь – перебила графиня, спокойно пропуская его слова мимо ушей, – это ода к вашему высочеству на день совершеннолетия. Сейчас, минутку...

Неукротимый и прекрасный Принц восемнадцати годов

Отныне - это видно ясно - к великим подвигам готов.

А взор его и светел и суров,

Его краса и мужество в расцвете.

А ведь всего лишь восемнадцать лет назад

(По крайней мере, все так говорят)

Его еще и не было на свете.

Удо изобразил некоторое смущение и сказал, что эти придворные поэты – ужасные льстецы.

Если он рассчитывал на комплимент, то ошибся.

– Я не могу судить об этом, пока не узнаю вас как следует, – серьезно проговорила графиня, глядя ему в глаза. – А ваше высочество действительно такой... неукротимый?

– Я... ну, я... то есть... – Он неловко заерзал на скамье, чувствуя себя все менее неукротимым. Ему сразу следовало понять, что на такой вопрос лучше и не пытаться отвечать.

– Но ваше высочество не должны быть слишком уж неукротимы в отношении нас, бедных евралийцев...

Тут ему опять пришлось сказать, что он пришел для решительного объяснения и что графиня неверно оценила его намерения.

– О, простите меня, ваше высочество. А я была совершенно уверена, что вы хотите поделиться мыслями о прекрасном с родственной душой.

– Н-нет, – сказал Удо, – не совсем.

– Тогда в чем же дело? – воскликнула графиня.

Удо поднялся и выпрямился во весь рост. Он чувствовал, что пора наконец проявить твердость. Он отошел на несколько шагов и обернулся к графине, поставив локти на солнечные часы.

– Графиня, – начал он решительно, – десять дней назад, выехав в Евралию по приглашению принцессы, я внезапно подвергся...

– Одну минуту, – озабоченно прошептала графиня, вскочила, прихватив со скамьи подушечку, бросилась к принцу и подложила ему подушечку под локоть.

– Бедный, ему, наверное, так неудобно, – и скользнула обратно на скамью. Потом она села, оперев локти в колени и положила подбородок

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

на руки, не сводя с принца восхищенного взгляда. – Вот теперь продолжайте, – еле слышно выдохнула она и приготовилась слушать. Удо открыл было рот с намерением продолжать, но никак не мог подыскать нужных слов. Он чувствовал себя полным идиотом, стоя вот так – с локтем на этой подушечке, словно он собирался произнести публичную речь. Он посмотрел на подушечку, как будто ожидал увидеть рядом стакан с водой, а Бельвейн перехватила его взгляд и сделала вид, будто собирается бежать за стаканом. (Это было очень на нее похоже.) Удо в гневе отшвырнул подушечку ("Осторожнее, мои розы!" – вскрикнула графиня) и сердито направился к ней. Бельвейн смотрела на него широко открытыми невинными глазами.

– Вы... вы... О, немедленно перестаньте смотреть так!

– Как? – спросила Бельвейн, продолжая смотреть так.

– Не делайте этого! – закричал Удо и пнул ногой подушечку. – Прекратите!

Она прекратила.

– Вы знаете, – произнесла она кокетливо, – а я вас немного боюсь, когда вы сердитесь.

– Я сержусь. Я очень сержусь. Я страшно разгневан.

– Я так и думала, что вы рассердитесь. – Она вздохнула.

– И вам очень хорошо известно, почему.

Графиня кивнула.

– Это все мой ужасный характер. Стоит мне выйти из себя, и я могу натворить Бог знает что.

Она снова вздохнула и в раскаянии потупила взор.

– Ну, вам не следовало бы... – неловко начал Удо.

– Видите ли, принц, мне всегда казалось, что мужчины относятся к женщинам слишком уж свысока и что это несправедливо. Вот и на этот раз мне стала невыносимой мысль о том, что мы, женщины, не можем управлять страной сами – даже некоторое время – и что нужно звать на помощь мужчину. – Она застенчиво взглянула на принца. – Правда, я тогда не знала, какой это мужчина, но теперь...

Вдруг она умоляюще простерла руки к Удо:

– Оставайтесь с нами, принц Удо, и помогите нам! Мужчины так умны, так храбры, так... великодушны. Им неведомо это мелочное чувство мстительности, присущее женщинам.

– Помилуйте, графиня... мы... ээ... вы... ээ... конечно, в том, что вы говорите, много правды, и я...

– Не могли бы вы снова присесть, принц?

Удо сел рядом с ней.

– А теперь давайте обсудим все это спокойно, как старые друзья.

– Конечно, – начал Удо, – я вас понимаю. Вы меня никогда не видели, ничего обо мне не знали – для вас я был просто одним из мужчин.

– Я немного узнала вас, когда вы приехали. Внешняя... маска не могла скрыть отваги и достоинства. Но даже если бы у меня была возможность вернуть вам прежний облик, я думаю, что побоялась бы это сделать, потому что никак не предполагала, что вы настолько добры и великодушны.

Все выглядело так, словно было совершенно очевидно, что принц ее уже простил. Когда очень красивая женщина благодарит вас за то, что вы ей еще не дали, джентльмену остается только одно. Удо успокаивающе похлопал графиню по руке.

– О, благодарю вас, ваше высочество.

Бельвейн встряхнулась, встала со скамьи и молвила:

– А теперь позвольте мне показать вам мой прелестный сад.

– Любой сад, где находитесь вы, графиня, не может не показаться прелестным, – галантно ответил Удо, и это, мне кажется, было неплохо для человека, который еще накануне питался одним салатом и овсянкой.

И они стали гулять по саду вместе. У принца уже не оставалось никаких сомнений – день действительно выдался удачный. Час спустя он вернулся в библиотеку. Гиацинта бросилась к нему навстречу.

– Ну и как?

Удо мудро покивал головой.

– Я поговорил с ней о ее поведении в отношении меня. Никаких затруднений больше не предвидится. Всеми виной – обычное женское легкомыслие. Она все объяснила, и я решил ее простить.

– Но ее воровство, ее заговор, ее интриги против меня?!

Удо оторопело уставился на принцессу, но быстро опомнился.

– Об этом, – сказал он многозначительно, – я буду говорить с ней завтра.

Глава 17

Король Бародии меняет лицо

Король Веселунг сидел в своей палатке с запрокинутой назад головой и глазами, устремленными в потолок. Его всегда румяные щеки были на этот раз блее снега. Человек по имени Карло крепко держал его за нос. Но Веселунг не сопротивлялся и не протестовал – его брили. Придворный цирюльник находился, по обыкновению в прекрасном расположении духа и болтал без умолку. Он на минуту отпустил королевский нос и стал править бритву, заметив:

– До чего неприятная штука – эта война.

– Ужасная, – согласился король.

– Конца-краю не видно.

– Ну, ну, – сказал Веселунг, – там посмотрим...

Цирюльник снова приступил к работе.

– Знаете, что бы я сделал с королем Бародии, попадись он мне в руки?

Веселунг не отважился ответить, но показал правым глазом, что разговор ему интересен.

– Я бы ему бакенбарды сбрил, – решительно объявил Карло.

Веселунг внезапно дернулся, – в тот же момент снежное поле окрасилось следами битвы, потом король снова откинул голову, и через несколько минут операция была завершена.

– Скоро пройдет, – сказал Карло, похлопывая короля по подбородку. – Вашему величеству не следовало шевелиться.

– Я сам виноват, Карло. Вы меня натолкнули на мысль, вот в чем дело.

– Рад служить вашему величеству. До свидания, ваше величество.

Как только Карло вышел, король достал свой блокнот. Он всегда записывал великие мысли, приходившие ему в голову за день. Теперь он нацарапал в нем следующее: "И уста последнего из малых сих могут обронить жемчуга мудрости".

Король ударил в гонг, чтобы вызвать к себе Советника.

– У меня родилась великая идея, – сказал он Советнику.

Советник постарался скрыть удивление и изобразить восторг.

– Сегодня я предполагаю совершить тайную вылазку в стан противника. Мне нужны данные разведки. В какой из всех этих палаток скрывается король Бародии?

– Самая большая в центре, над ней королевский штандарт.

– Я так и думал. На самом деле, я часто видел, как он туда заходит, но все должно быть по правилам. В соответствии с информацией, предоставленной моими надежными разведчиками, я намереваюсь сегодня ночью пробраться в палатку короля Бародии и...

Советник содрогнулся от негодования.

– ...и сбрить ему бакенбарды.

Советник содрогнулся от восхищения.

– Ваше величество, – заговорил он тоном, исполненным благоговения. – Сорок лет, юношей и мужем, служил я вашему величеству и вашему до сих пор оплакиваемому батюшке, но никогда мне не приходилось присутствовать при рождении столь блистательного плана.

Веселунг некоторое время боролся с собой, но природная честность победила.

– Он возник после одного замечания моего братора, – сказал он как бы между прочим, – но, конечно, по-настоящему разработал его я.

– И уста последнего из малых сих могут обронить жемчуга мудрости, – назидательно изрек Советник.

– Разумеется, – с отсутствующим видом проговорил Веселунг, взяв блокнот и вычеркивая только что написанную фразу. – Как, по-вашему, это не запрещено правилами?

– Ни в коем случае, ваше величество. В анналах Евралии существует множество примеров подобного юмора – юмора, который, если можно так выразиться, являя невежественному уму лишь свою поверхностную сторону, тем не менее корнями уходит в самые фундаментальные

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

стратегические соображения.

Веселунг внимал ему с искренним восторгом. Вот это Советник так Советник!

– И я так подумал. С одной стороны, это поможет нам без труда выиграть войну, а с другой – король Бародии окажется в очень смешном положении, лишившись бакенбардов. Нынче же ночью я приведу план в исполнение.

И вот в полночь он отправился на подвиг. Советник с тревогой ожидал его возвращения. Уже много веков рыжие бакенбарды были неотъемлемой принадлежностью правящей династии Бародии. В те времена даже ходила пословица: "Потерянный, как король Бародии без бакенбардов". Король, лишившийся этой регалии в самый критический момент для страны, – это было бы нечто из ряда вон выходящее. Ему, по меньшей мере, пришлось бы удалиться в изгнание до тех пор, пока бакенбарды не отрастут снова, а, лишенная предводителя, армия Бародии стала бы легкой добычей.

Советника эта возможность ничуть не печалила. Он с нетерпением ожидал возвращения в Евралию, в свой уютный дом. Не то чтобы на войне ему было скучно – забот у него было не меньше, чем у всякого другого. В его обязанности входила, например, проверка всех новых претендентов на должность чародея или заклинателя, которых приводили в лагерь. Такой-то и такой-то заявлял, что за пятьсот золотых он превратит короля Бародии в маленькую черную свинью. Его вели к Советнику.

– Ты говоришь, что можешь превратить человека в маленькую черную свинью? – спрашивал Советник.

– Да, ваша милость, этому меня научила бабушка.

– Тогда преврати меня, – просто-напросто говорил Советник.

Новоявленный мудрец начинал творить чудеса. Как только он произносил последнее заклинание, Советник смотрелся в зеркало. Потом он кивал солдатам, самозванца сажали на мула лицом к хвосту и с позором выпроваживали из лагеря. Таких самозванцев являлось немало (каждый, как-никак, получал награду в виде мула), и нельзя сказать, чтобы жизнь Советника была лишена треволнений.

Но он скучал по нехитрым радостям домашнего очага. Он любил, вернувшись из дворца, покопаться в саду, любил после ужина рассказывать жене о важных делах, совершенных им после того, как они виделись в последний раз, внушать ей, что ему доступны государственные тайны, о которых она не должна даже и пытаться его расспрашивать. Женщина, обладающая меньшим чувством такта, так бы и поступала, но жена Советника знала, что он только и ждет, чтобы из него "вытянули" все секреты. Однако, поскольку эти тайны всегда казались ей слишком скучными, чтобы делиться ими с соседками, большого вреда в том не было.

– Помогите-ка мне снять этот дурацкий плащ, – вдруг сказал кто-то совсем рядом.

Советник пошарил руками в воздухе, пока не обнаружил нечто твердое. Он расстегнул плащ, и перед ним предстал король.

– Благодарю вас. Ну вот, я это сделал. В последний момент у меня дрогнула рука – такие они были красивые, но я себя заставил. Бедняга спал как младенец. Интересно, что он скажет, когда проснется.

– А вы принесли их с собой? – спросил Советник в величайшем возбуждении.

– Дорогой Советник, что за вопрос?! – Король вытащил бакенбарды из кармана. – Утром мы вывесим их на флагштоке на обозрение всей Бародии.

– Вот уж он не обрадуется, – захихикал Советник.

– Не представляю себе, что он теперь станет делать, – произнес Веселунг, которому уже стало жалко поверженного врага.

Король Бародии тоже не представлял.

Он проснулся утром и тут же ощутил непривычный холодок на щеках. Пощупав их, он немедленно понял, что случилось самое худшее.

– Эй там! – позвал он часового.

– Слушаю, ваше величество, – ответил часовой, осторожно появляясь в дверях.

Король немедленно отвернулся к стене и натянул на голову одеяло.

– Пришлите ко мне Советника.

Когда Советник вошел в палатку, он увидел лишь спину августейшего монарха.

– Советник, – начал король, – приготовьтесь, вас ожидает удар.

– Да, сир, – ответил Советник, заранее дрожа от страха.

– Вы сейчас увидите то, чего не видел ни один человек за всю историю Бародии.

Советник схватился за сердце. В следующий миг палатка поплыла у него перед глазами, и больше он уже ничего не видел.

Когда он пришел в себя, король поливал его водой из кувшина и бормотал в ухо грубые слова утешения:

– О, ваше величество, – лепетал бедный Советник, – ваше величество! Я не знаю, что сказать, ваше величество.

Он пытался стряхнуть с себя воду, и она тонкими струйками стекала на пол.

– Возьмите себя в руки, – твердо приказал король. – Нам понадобится вся ваша мудрость, хоть ее и нельзя назвать чрезмерной, чтобы выпутаться из этой историк.

– Ваше величество, кто осмелился совершить это вопиющее преступление?

– Откуда мне знать, идиот? Вы что, думаете, я бы им дался, если бы не спал?

Советник приосанился и слегка надулся. На самом деле, он привык выслушивать и не такое, но от человека с парой устрашающих рыжих бакенбардов. А когда вас оскорбляет человек с простым, круглым и не внушающим никакого трепета лицом – это совсем другое дело.

– Что ваше величество намерено предпринять? – холодно осведомился Советник.

– Я полагаю, надо поступить следующим образом. Основная тяжесть ляжет на ваши плечи...

Советник не удивился. К этому он тоже привык.

– От вас потребуется сообщить эту новость народу в наиболее пристойной форме. Вы скажете, что я веду переговоры с одним великим волшебником, тайно посетившим меня, и поэтому сегодня утром не выйду. Попозже вы сообщите, что волшебник нашел способ победить подлых евралийцев, но что победа может быть достигнута лишь путем великой жертвы с моей стороны и что для блага моего народа я согласен ее принести. Потом вы торжественно объявите, что жертва уже принесена и что она состоит в том... А почему все эти идиоты так развеселились?

На улице к небу взлетали взрывы мощного хохота.

– В чем дело?! Пойдите и посмотрите. Советник осторожно выглянул наружу. Он вернулся к королю и, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал как можно более беспечно, доложил:

– Да так – шуточная эмблема, которую вывесили евралийцы над своим лагерем. Вряд ли она позабавит ваше величество.

– Действительно, мне сейчас не до шуток. Вернемся к делу. Как я уже говорил, вы объявите людям, что великая жертва, которую ради них принес государь, состоит в том... Опять они... Я должен посмотреть сам. Откиньте полог!

– Но вашему величеству это не покажется смешным.

– Вы что, намекаете, что у меня нет чувства юмора? – заносчиво спросил король.

– О нет, сир, но ведь бывают определенного рода шутки – шутки несколько дурного тона, которые, естественно, не рассчитаны на такой деликатный вкус, как у вашего величества. Эта произвела на меня именно такое впечатление.

– Я и сам разберусь, без вашей помощи. Сейчас же откройте дверь.

Советник открыл дверь, и глазам короля, развеваясь на легком ветерке чуть пониже королевского штандарта Евралии, предстали его собственные горячо любимые бакенбарды.

Короля Бародии трудно было назвать симпатичным человеком, и дочери его отнюдь не блистали красотой, но бывали моменты, когда он не мог не вызывать искреннего восхищения. Вот, например, как сейчас.

– Можете закрыть дверь, – обратился он к Советнику. – Инструкции, только что полученные вами, – продолжал он тем же ледяным тоном, – отменяются. Мне надо подумать.

И он стал думать, меряя решительными шагами палатку.

– Вы тоже можете думать, – неожиданно мягко сказал он Советнику, – и если вам придет в голову что-нибудь не совсем бессмысленное, предлагайте.

Он продолжал расхаживать по палатке и вдруг остановился как вкопанный перед большим зеркалом. В первый раз, с тех пор как ему исполнилось семнадцать, он увидел свое лицо, не украшенное бакенбардами. Не в силах оторвать взгляда от отражения, он поманил рукой Советника.

– Идите-ка сюда, – сказал он, притягивая его за рукав. – Посмотрите, – он указал рукой на зеркало.

– Это действительно я? Зеркало не врет? Это правда мое лицо?

– Да, сир.

Король еще некоторое время как зачарованный вглядывался в отражение, а потом повернулся к Советнику и с негодованием заявил ему в лицо:

– Ты трус! Малодушное, жалкое, начиненное бумажной трухой подобие человека! И ты раболепствуешь перед таким королем?! Да мне надо дать пинка!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Советник вспомнил двадцатидюймовый пинок, некогда полученный им самим, и отвел было ногу для удара, но призадумался.

– Но вы можете дать мне сдачи, – предположил он.

– Конечно, дам, – без тени сомнения в голосе отвечал король.

Советник пребывал некоторое время в нерешительности, а потом выразился следующим образом:

– Я думаю, мелкие личные ссоры перед лицом общего врага следует считать предосудительными.

Король взглянул на него, коротко рассмеялся и снова стал ходить.

– Опять это лицо... Нет, ничего не выйдет. Я не смогу править страной в таком виде. Придется отречься.

– Но, ваше величество, это ужасное решение! Разве вы не можете удалиться в изгнание на то время, пока бакенбарды не отрастут. В конце концов, это...

Король остановился прямо напротив Советника и мрачно посмотрел на него сверху вниз.

– Советник, эти бакенбарды, которые вы только что видели развевающимися на ветру, целых сорок лет были моим проклятием. Все эти сорок лет я жил по их указке. Приходилось вести себя не так, как мне велел характер – добродушный и общительный, – а как хотели эти дурацкие штуки. Я играл роль, которая сначала причиняла мне одни неудобства, но потом, увы, я к ней привык. И все равно, то, что вы наблюдали каждый день, никогда не было моей подлинной сущностью, которую вы без труда прочтете на этом вот лице. – Он показал рукой на зеркало.

После продолжительного молчания, во время которого король продолжал разглядывать себя в зеркале. Советник рискнул предложить:

– Но, ваше величество, зачем же отречься? Подумайте, с какой радостью примет страна этого нового короля, которого вы мне сейчас открыли! И все же, – добавил он с сожалением, – это будет уже не то...

Король круто обернулся к нему.

– Вот это речь истинного бародианца! Конечно, это будет совсем не то. Мои подданные привыкли видеть в своем монархе определенные качества, и им их будет не хватать. Новый король может приучить их к чему-нибудь другому, но, чтобы изменился я, они не захотят. Нет, Советник, я отрекись. И, пожалуйста, не делайте такого печального лица. Я ожидаю большой радости от будущего!

Советник печалился вовсе не о нем, а о самом себе. Он думал, что новый король вполне может отказаться не только от прежней внешности, но и от прежнего Советника.

– Но что же вы станете делать?

– Я буду простым подданным нового короля и стану зарабатывать на жизнь собственным трудом.

Советник удивленно поднял брови.

– Вы, наверное, думаете, – надменно заметил король, – что у меня ума не хватит заработать на жизнь?

Советник, откашлявшись, стал объяснять, что весьма достойные качества, присущие монарху, не всегда находят должное соответствие и применение и т.д.

– Все, что вы сказали, свидетельствует лишь о том, как мало вы в этом разбираетесь. Представьте себе, я случайно обнаружил, что во мне есть задатки замечательного свинопаса.

– Свинопаса?!

– Ну да, человека, который... ээ... пасет свиней. Вас, наверное, удивит, что, выступая в роли свинопаса, я беседовал с представителем этой профессии о его ремесле, и он даже ничего не заподозрил. Это будет как раз та деятельная жизнь на свежем воздухе, которая доставит мне массу удовольствия. Пасешь и доишь, доишь и... ээ... пасешь, и так идет день за днем. – Счастливая улыбка, которую Советнику никогда не доводилось видеть, разлилась по лицу короля. Он игриво хлопнул Советника по спине. – Я стану просто счастливым человеком. – А как вы об этом объявите? – Советнику удалось найти на редкость удачный тон, представлявший собой нечто среднее между обращением к монарху и обращением к пастуху.

– А вот это уж ваша забота. Теперь, когда я скинул с себя бремя этих проклятых бакенбардов, гордость мне не пристала, но даже свинопас может испытывать некоторую неловкость, если его насильно побреют во сне. Мысль, что именно этому обстоятельству будет посвящено последнее упоминание обо мне в истории Бародии, невыносима. Поэтому вы объявите, что я был сражен сегодня глубокой ночью в честном бою с королем Евралии и что мои бакенбарды прикреплены к его королевскому знамени как символ победы. – Он подмигнул Советнику и добавил: – Нелишним будет упомянуть о том, что накануне поединка похитили мой заколдованный меч.

Советник лишился дара речи от восхищения мудростью плана и от радости. Как и его евралийский брат, он тоже рвался домой. Право же, причиной войны послужило личное оскорбление, нанесенное королю. А если король больше не король, так и воевать не из-за чего.

Будущий свинопас сказал:

– Я считаю, что мне следует послать Ноту королю Евралии и предложить свой план. Сегодня под покровом темноты я выберусь из лагеря, а завтра начну новую жизнь. Не вижу причин, чтобы завтра же не распустить людей по домам. Между прочим, часовой знает, что прошлой ночью меня не убили. Подумайте об этом.

– Я думаю, – ответил Советник, который уже предвкушал возвращение домой и вовсе не желал, чтобы все расстроилось из-за простого солдата, – я думаю, мне удастся убедить часового в том, что вы действительно погибли прошлой ночью.

– Ну, тогда все в порядке. – Король снял кольцо с пальца. – Может быть, это вам поможет. Теперь оставьте меня – я начну письмо королю Евралии.

Король Веселунг несказанно обрадовался этому письму. В нем недвусмысленно объявлялось об окончании войны и о том, что король Бародии отказывается от престола. Вместо него станет править сын – безобидный простак, который не причинит Евралии ни малейшего беспокойства. Король Бародии надеется, что дело будет представлено таким образом, будто бакенбарды были выиграны в честном бою – это наилучший выход для них обоих. Лично он весьма рад от них избавиться, но есть же у человека чувство собственного достоинства. Он хочет отныне посвятить себя личной жизни, и, если пойдет молва о том, что его сразил король Евралии, это только облегчит его существование.

Веселунг после ночного приключения спал долго, так что, когда он проснулся, письмо уже лежало наготове. Он немедленно вызвал своего Советника.

– Что вы сделали с этими... трофеями? – спросил он.

– В настоящий момент, сир, они трепещут на вашем флагштоке.

– Понятно. А что говорят мои люди?

– Они покатываются со смеху, ваше величество.

– Да, но что они говорят?

– Одни говорят, что ваше величество, проявив чудеса находчивости, проникли в стан противника и срезали бакенбарды, пока он спал, другие – что, проявив чудеса храбрости, вы победили врага в смертельной схватке и захватили военный трофей.

– О! А вы что говорите?

– Разумеется, ваше величество, я пока не говорю ничего.

– Очень хорошо. Я все как следует обдумал и теперь вспомнил, что я действительно сразил короля Бародии прошлой ночью. Вы меня понимаете?

– Искусство вашего величества в обращении с мечом всегда служило предметом восхищения подданных.

– Прекрасно, – подтвердил Веселунг. – Вот, собственно, и все. Я встаю. А завтра мы все едем домой.

Советник вышел, радостно потирая руки.

Глава 18

Лесной должитель принимает двух очень молодых людей

Помните ли вы тот день, когда принцесса Гиацинта и Виггз сидели на башне замка и мечтали, как приедет принц Удо? Принцесса думала, что у него темные волосы, а Виггз – что светлые, и они гадали, куда его поместить – в Голубую комнату или, лучше, в Пурпурную, и мечтали, как он поставит графиню на место и принесет счастье в Евралию. Теперь Гиацинте казалось, что с тех пор прошло чуть не несколько лет, и снова она сидела на башне вместе с Виггз.

Ей было ужасно тоскливо. Она всей душой стремилась избавиться от этой "посторонней помощи", которую навлекла на себя столь опрометчиво. Теперь они против нее вдвоем. Одной Бельвейн было более чем достаточно, но Бельвейн вместе с Удо, действующим по указке все той же Бельвейн, – это в сто раз хуже.

– Виггз, что ты делаешь, когда тебе плохо и никто тебя не любит? – спросила принцесса.

– Танцую, – с готовностью ответила Виггз.

– А если тебе не хочется танцевать?

Виггз попыталась припомнить те мрачные времена (примерно неделю назад), когда она не умела танцевать.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Тогда я иду в лес и сажусь под мое любимое дерево, и понемногу все начинают меня любить.
– Вряд ли они полюбят меня.
– Еще как полюбят! Показать вам мое волшебное дерево?
– Да, только не ходи со мной, просто расскажи, где оно. Я хочу быть несчастной одна.
И Виггз рассказала принцессе, что надо идти по узкой тропинке, уходящей в глубь леса, до тех пор, пока деревья по обеим сторонам не начнут редеть и не откроется поляна. И надо спуститься с холма, перейти ручей и подниматься по другому берегу, пока снова не начнется лес, и самое первое дерево – самое большое, самое старое и самое красивое – это и есть оно. И надо сесть, прислонившись спиной к стволу, и смотреть туда, откуда пришел, и тогда скоро почувствуешь, что все будет хорошо.
– Я найду его, – сказала Гиацинта, вставая, – спасибо, дорогая.
Она нашла это дерево и села под ним, и сначала сердце ее было полно горечи из-за Удо и из-за графини. Она даже сердилась на отца за то, что он оставил ее одну. Но от леса веяло таким миром, таким спокойствием, что вскоре душа принцессы тоже успокоилась, и она поняла: как-нибудь она со всем этим справится. Только ей очень хотелось, чтобы поскорее вернулся отец, потому что он любил ее, а когда тебя никто не любит, жить становится очень трудно.
Вдруг за ее спиной раздался голос:
– Здесь очень красиво, правда?
Она обернулась и увидела высокого юношу, который выходил из леса.
– Кто вы? – спросила Гиацинта, изумленная его внезапным появлением. Наряд ничего ей не сказал, зато лицо говорило о множестве вещей, узнать которые она была рада.
– Меня зовут Лионель.
– Красивое имя.
– Может быть... но не позволяйте ему сбить вас с толку. Это имя принадлежит человеку, ничего особенного собой не представляющему. Вы не возражаете, если я сяду? Я всегда сижу здесь в это время дня.
– О-о! Вы живете в лесу?
– Да, последнюю неделю. – Юноша дружески улыбнулся и добавил: – Вы немного опоздали.
– Опоздала?
– Я жду вас уже семь дней.
– А откуда вы обо мне узнали?
Лионель широким взмахом руки обвел поляну, и ручей, и лес.
– А для кого же все это? Кто-то должен время от времени говорить "спасибо" за такую красоту.
– А вы разве не говорили?
– Я? Я бы не осмелился. Нет, это ваша поляна, а вы так непростительно ею пренебрегаете.
– Сюда приходит одна маленькая девочка, – сказала Гиацинта. – Вы ее не встречали?
Лионель отвернулся. В его душе были тайные уголки, в которые даже Гиацинта не могла заглядывать... пока.
– Она танцевала, – коротко ответил Лионель.
Наступило молчание, но оно не вызывало неловкости, как будто они уже были давно знакомы.
– Знаете, – заговорила Гиацинта, глядя на юношу сверху вниз, потому что он лежал у ее ног, – довольно странно, что вы здесь появились.
– Хотел бы и я так думать, но не могу. Предпочитаю считать, что оказался здесь по велению долга. А вообще-то мне очень нравятся места, где мое появление может показаться странным. А вам?
– Мне очень нравится это место. – Гиацинта вздохнула. – Виггз оказалась права.
В ответ на вопросительный взгляд Лионеля она объяснила:
– Виггз – это та самая девочка, которая танцует.
Лионель, вспомнив, что обещал ему танец Виггз, быстро отвел глаза.
– Конечно, она была права, – проговорил он.
Принцесса вдруг совсем успокоилась. Казалось, ничто и никогда больше ее не встревожит. Кем бы ни был этот юноша – неважно. Он даже мог исчезнуть навсегда. Все равно, случилось что-то, от чего Гиацинта перестала бояться мира.
– Мне казалось, что все мужчины Евралии на войне, – сказала она.
– Так и есть.
– Тогда кто же вы? Принц из далекой страны? Волшебник? Вражеский лазутчик? Странствующий музыкант? Видите, я предоставила вам немалый выбор...
– Мне не остается ничего иного, как быть тем, кто я есть. Я Лионель.
– А я Гиацинта.
Он, конечно, знал, как ее зовут, но не показал виду.
– Гиацинта, – произнес он, протягивая руку.
– Лионель, – ответила Гиацинта, протягивая навстречу свою.
А ручей бормотал что-то сам себе, спеша мимо них вниз по ложине.
Гиацинта поднялась с легким вздохом сожаления.
– Ну что ж, мне пора.
– Правда пора? Так не хочется расставаться...
– Действительно пора.
Лионель осмелился намекнуть:
– У этого места есть одна удивительная особенность – оно не становится хуже назавтра. Назавтра в то же время.
– Это просто удивительно, – улыбнулась Гиацинта.
– Да, но когда речь идет о таком важном деле, не стоит принимать на веру чужие слова.
– Думаете, мне следует убедиться самой? Может быть, так я и сделаю.
– Свистните, если я случайно буду проходить мимо, и скажите, убедились вы или нет. До свидания, Гиацинта.
– До свидания, Лионель.
Принцесса ласково кивнула и стала легко спускаться с холма. Лионель глядел ей вслед.
"И о чем только думает Удо? – удивлялся он. – Разве что она не любит животных... Целый день ждать. До чего же долго!"
Если бы ему стало известно, что Удо, теперь уже на двух ногах, в этот самый момент находится в саду графини, пытаясь, вот уже в пятый раз, поведать ей о своих юных годах в Арабии, он удивился бы еще больше.
Если вы помните, мы оставили Лионеля в Арабии. Три или четыре дня он гадал, что же случилось с Удо, чувствуя все большую необходимость что-то предпринять. Не в силах более оставаться в бездействии, он вскочил на коня и отправился в дорогу. Если Удо нужна помощь, он ему поможет. Если с Удо все в порядке, он с чистой совестью вернется в Арабию.
По правде говоря, Лионелем в значительной степени руководило чувство ревности.
Некий принц Периваль, гостивший при дворе его дяди, некогда искал руки принцессы Гиацинты, но, проиграв схватку со знаменитым семиголовым быком, припасенным для него Веселунгом, оставил свои попытки. У сего принца оказался портрет принцессы, написанный по его просьбе придворным художником, и он показал его Лионелю. Именно поэтому Лионель сначала отказался сопровождать Удо в Евралию, и по той же причине он с легкостью убедил себя, что в Евралию его призывает долг дружбы.
Всю последнюю неделю Лионель провел в лесу, потому что не совсем представлял себе, что делать дальше. Поскольку по дороге ему ничего не удалось узнать о Удо – ни двуногим, ни четвероногим, – следовало вернуться во дворец, потому что в противном случае он так ничего и не узнает. А если он вернется во дворец и выяснит, что с Удо все в порядке и что принцесса в него влюблена, случится самое худшее. Ему придется помогать ей восторгаться Удо – занятие совершенно неприемлемое для влюбленного человека, ибо к тому времени он твердо решил, что влюблен в Гиацинту.
Итак, ему пришлось ждать в надежде, что что-то случится. И вот сначала появилась Виггз и, наконец, Гиацинта. Теперь он был очень рад, что остался в лесу.
На другой день Гиацинта снова появилась на том же месте.
– Я знал, что вы придете, – сказал Лионель. – Не правда ли, все так же красиво, как вчера?
– Мне кажется, еще красивее, – ответила Гиацинта.
– Вы имеете в виду эти легкие белые облачка? Это я придумал разбросать их по небу. Я так и знал, что вам должно понравиться.
– Интересно, что вы делали целый день? Вы были очень заняты?
– Не очень. Во всяком случае, у меня нашлось время петь.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– А почему вы пели?
– Потому, что я молод, и потому, что лес так красив.
– И я тоже пела сегодня утром.
– Почему?
– Потому, что война с Бародией окончена.
По лицу Лионеля было заметно, что это известие произвело на него сильное впечатление.
– Но вам это, наверное, не так уж интересно. Вот если бы вы жили в Евралии... – слегка удивилась Гиацинта.
– Мне это как раз ужасно интересно. У вас есть время, чтобы как следует повосхищаться, а я пока подумаю. Смотрите, вон еще одно из моих облачков.
Лионелю действительно было над чем поразмыслить. Если война кончилась и король вот-вот вернется, Удо может остаться в Евралии, только если у него есть определенные намерения в отношении принцессы. Значит, если он вскоре отправится в Арабию, то... А что, если он все еще животное? Тогда он вряд ли отправится в Арабию... Есть и третья возможность: он мог вообще не доехать до Евралии. Масса вопросов, требующих ответа, и рядом с ним находится человек, который может дать эти ответы. Но нужна осторожность.
– Девяносто восемь, девяносто девять, сто! – громко сказал он. – Ну вот, теперь вы, наверное, насмотрелись.
– И что же вы решили? – улыбнулась Гиацинта.
– Решил? – Лионель удивился ее проницательности. – О нет, я ничего не решал, я просто думал. О животных.
– И я тоже.
– Как удивительно! Хотя это дурно с вашей стороны – ведь вы должны были восхищаться моими облачками. А о каком животном вы думали?
– О разных.
– А я думал о кроликах. Вам нравятся кролики?
– Не особенно.
– Пожалуй. Они такие прыгучие... А львы вам нравятся?
– Мне кажется, что у них какие-то глупые хвосты.
– Возможно. Как насчет барашков?
– В последнее время я совсем разлюбила барашков.
– Действительно, это не самые интересные из животных... Забавно, – заметил он как бы невзначай, пытаясь поймать ее взгляд, – что мне однажды довелось видеть помесь трех этих зверей.
– И мне тоже. – Гиацинта тяжело вздохнула, но Лионель видел, что подбородок у нее дрожит, и вдруг она обернулась и посмотрела ему в глаза, и они вместе рассмеялись.
– Бедный Удо! – сказал Лионель. – Как он теперь?
– С ним все в порядке.
– Все в порядке? Тогда почему он не... Правда, я очень рад этому.
– Он мне не понравился, – отвечала Гиацинта, покраснев. Потом она слегка улыбнулась и отважно продолжила: – Но, по правде говоря, сначала я не понравилась ему.
– Он хочет, чтобы его непрерывно ублажали. Это моя обязанность, а не ваша.
Гиацинта взглянула на него с новым интересом.
– Теперь я знаю, кто вы такой. Он мне о вас говорил.
– И что же он обо мне говорил? – спросил Лионель, изнывая от любопытства.
– Он сказал, что вы неплохо разбираетесь в поэзии.
Лионель был слегка разочарован. Он предпочел бы, чтобы Гиацинта услышала, что он неплохо разбирается в драконах. Однако теперь, когда они встретились, это не имело значения.
– Принцесса. – Он решил, наконец, объясниться начистоту. – Я думаю, вы все время задаете себе вопрос, что я вообще здесь делаю? Я приехал узнать, не нуждается ли Удо в моей помощи и не нуждаетесь ли в ней вы. Принц Удо был моим другом, но если он не друг вам, то и мне больше не друг. Расскажите, что здесь происходит и чем я могу вам помочь.
– Вчера вы называли меня Гиацинтой, и имя мое осталось прежним.
– Гиацинта, скажите, нужен ли я вам? – серьезно произнес Лионель, беря ее за руку.
– Спасибо, Лионель. Видите ли, все получилось так...
И, сидя под волшебным деревом Виггз, она рассказала ему все.
Выслушав ее, Лионель беспечно улыбнулся.
– Ну что ж, ничего особенного. Все очень просто. Вы хотите прогнать Удо и поставить графиню на место? Я без труда сделаю одно, а вы – другое.
– Но как я могу прогнать Удо?
– Нет, это как раз сделаю я.
– Лионель, дорогой, неужели вы думаете, что, если бы я могла поставить на место графиню, мне пришлось бы просить чьей-то помощи? Мне кажется, вы плохо себе представляете, что она за человек. К тому же я на самом деле не очень-то знаю, где ее место. Видите ли, я забыла вам сказать, что мой отец от нее без ума.
– Я думал, это Удо от нее без ума.
– Они оба.
– Ну, тогда все очень просто, – предложил Лионель с воодушевлением. – Мы убиваем Удо, и тогда... ну, в общем, половина дела сделана.
– Да, но как насчет второй половины?
Лионель с минуту подумал.
– Хорошо, тогда – наоборот. Мы убиваем графиню и ставим на место Удо.
– Отцу это совсем не понравится, а он приезжает завтра.
Лионель никак не мог понять, чего хочет принцесса: если король влюблен в графиню, он все равно на ней женится, что бы ни сделала Гиацинта, и тогда какой смысл ставить ее на место на один день, если на следующий она займет место на троне. Гиацинта угадала его мысли.
– О, вы не понимаете! – воскликнула она. – Графиня пока не знает, что отец возвращается завтра. И если только я могла бы ей показать – неважно, пусть всего на один час, – что я ее не боюсь и что она не может мной помыкать, тогда я готова забыть все, что происходило в эти последние две недели. Но она относилась ко мне без всякого уважения, она делала все, что ей заблагорассудится, она строила мне козни, и, если она никак не будет наказана, а просто выйдет за отца замуж и станет королевой, у меня совсем не останется гордости и я перестану...
– Надо бы взглянуть на эту Бельвейн, – задумчиво перебил ее Лионель.
– Ах, Лионель, если и вы в нее влюбитесь, я умру от стыда.
– В нее, Гиацинта?
Она не смогла выдержать его взгляда и опустила глаза.
– Да, вы... я никогда... вы никогда... – Но в следующую секунду он уже держал ее в объятиях, и она поняла, что никогда больше не почувствует себя одинокой.

Глава 19

Удо ведет себя как джентльмен

– А теперь, – сказал Лионель, – мы должны решить, что делать.
– Но мне теперь все равно, – ответила Гиацинта, и голос ее был совершенно счастливым. – Пусть она берет и трон, и отца, и Удо, и... все, что угодно, – мне ничуть не жалко. Видите ли, Лионель, у меня есть вы, и я не могу ревновать и сердиться.
– Именно поэтому может получиться очень весело. Можно попробовать сделать все, что угодно, и неважно, если из этого ничего не выйдет. Давайте придумаем – просто для забавы, – чем мы могли бы ей отплатить.
– Сегодня мне меньше всего на свете хотелось бы причинять кому-нибудь зло.
– А мы и не причиним ей зла, мы ее разыграем. Будем самыми покорными ее слугами, и пусть она получит все, что захочет.
– Включая принца Удо, – засмеялась Гиацинта.
– Великолепная идея! Мы заставим ее получить Удо. Это, наверное, расстроит вашего отца, но на всех не угодишь. О, я совершенно уверен, что, по крайней мере, мы получим большое удовольствие.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Они тихим шагом пошли по тропинке рука об руку.

– Мне немного страшно выходить из леса, – сказала Гиацинта. – Вдруг что-нибудь случится?

– Что может случиться?

– Я не знаю, но до сих пор вся наша жизнь проходила в лесу. Просто я немного боюсь большого мира.

– Я буду рядом. Гиацинта.

– Будьте рядом всегда, Лионель, – прошептала она, и они пошли дальше.

Если слуги и удивились появлению Лионеля, никто и виду не подал. В конце концов, это тоже входит в обязанности хорошей прислуги.

– Наш гость принц Лионель! – объявила Гиацинта. – Приготовьте для него комнату и завтрак для нас обоих.

И если в те времена в людской обсуждались подобные вещи (а они наверняка обсуждались), то, без сомнения, все говорили друг другу, что наконец-то принцесса, благослови Господь ее хорошенькое личико, нашла свою судьбу – обратите внимание, как они глядят друг на друга! Но Роджер об этом не пишет – он делает вид, что не может позволить себе снизойти до сплетен низших сословий.

Когда они поднимались по широкой лестнице, Лионель сказал:

– Я не принц, вы же знаете. Не говорите потом, что я вас обманывал.

– Вы мой принц! – гордо заявила Гиацинта.

– Дорогая, сегодня я король, а вы моя королева, но это только в нашей особой стране для двоих.

Гиацинта ответила ему благодарным и радостным взглядом.

– Если это так вас беспокоит, я попрошу отца, и он сделает вас настоящим принцем хоть завтра.

– Вы так думаете? Я в этом совсем не уверен. Он же еще не знает, какой подарок мы готовим графине.

Теперь самое время вернуться к Бельвейн. Мы слишком давно с ней не виделись, по крайней мере, гораздо больше, чем Удо, который в очередной раз рассказывал ей необыкновенно скучную историю о своем поединке с драконом (пребывавшим, по всей видимости, в состоянии старческого слабоумия). Графиня внимала ему с неподдельным интересом, который мог показаться преувеличенным кому угодно, даже самому рассказчику.

– И потом, – говорил Удо, – я быстро отпрыгнул вправо, вращая меч над головой... Нет, подождите минутку... Я быстро отпрыгнул влево – да, я сейчас точно помню, что влево, – и, вращая...

Он замолчал, обратив внимание на выражение лица слушательницы: она смотрела вдаль, на что-то за его спиной.

– Боже мой, что это? – Она медленно поднялась со скамьи.

Не успел Удо расстаться со своим драконом, как принцесса и Лионель оказались рядом.

– А-а, графиня, – любезно и непринужденно проговорила Гиацинта, – я так и думала, что мы найдем здесь вас обоих. Позвольте мне представить вам герцога Лионеля. Лионель, это графиня Бельвейн – моя добрая и верная подруга. С принцем Удо вы, конечно, знакомы. Его королевское высочество и графиня... впрочем, об этом уже все знают...

Лионель учтиво поклонился пораженной Бельвейн.

– Ваш покорный слуга, – сказал он. – Не можете вообразить, как я был счастлив услышать эту новость. Удо – мой самый близкий друг. – Он слегка похлопал по спине ошарашенного принца. – Правда же, Удо? Я уверен, графиня, что вы сделали во всех отношениях достойный выбор. – Он снова поклонился и повернулся к принцу. – Ну, Удо, ты великолепно выглядишь – не то что в прошлый раз. Графиня, мы в последний раз виделись... да, когда же это было?.. А-а, как раз накануне прибытия принца в Евралию. Воистину, настоящая любовь творит чудеса!

Мне кажется, одним из самых примечательных достоинств графини было умение хранить молчание, если она не знала точно, что следует сказать. Поэтому она ничего не говорила до тех пор, пока все как следует не обдумала: кто такой Лионель, что он здесь делает и даже... не является ли брак с Удо лучшим, на что она может рассчитывать в настоящее время?

В отличие от нее Удо сразу же начал сбивчиво оправдываться.

– Мы не совсем, принцесса... Я имею в виду... Я не знал, принцесса, что вы... Что ты здесь делаешь, Лионель? Как ты здесь оказался?

– Мы ему скажем? – с улыбкой обратился Лионель к Гиацинте.

Гиацинта кивнула.

– Я приехал, – сказал Лионель. – Тайно.

– Но я не знал, что вы...

– Мы поняли, что на самом деле знаем друг друга уже очень давно, – вмешалась Гиацинта.

– И, получив известие, что здесь намечается свадьба, – подхватил Лионель, – я сразу же...

Бельвейн приняла решение. Совершенно очевидно, что Лионель – это не принц Удо. Если он останется в Евралии как доверенное лицо – а она догадывалась, что гораздо больше, нежели доверенное лицо, – принцессы, то ей при дворе делать нечего. Что касается короля, то еще неизвестно, когда он вернется и на что она может надеяться. Чувства – вещь ненадежная. А стать королевой Арабии – тоже не последнее дело.

– Мы не хотели пока об этом объявлять, – застенчиво проговорила она, – но вы разгадали нашу тайну, ваше высочество. – Она потупила взор и, нащупывая руку не проявлявшего особого рвения возлюбленного, продолжала: – Удо и я, – тут ей попалась чья-то рука, но оказалось, что она принадлежит Лионелю. Тогда графиня твердо взяла Удо за руку и уже без всяких церемоний закончила: – Удо и я – мы любим друг друга.

– Удо, скажи же что-нибудь, – подсказал Лионель.

– Ээ... да, – выдавил из себя Удо, надеясь, что сумеет как-нибудь выкрутиться позже. Каковы бы ни были его чувства к графине, он отнюдь не собирался ввергаться в пучину брака.

– О, я так рада, – весело сказала Гиацинта. – Я чувствовала, что это должно случиться, потому что в последние дни вы почти не разлучались.

Мы с Виггз часто об этом говорили.

"Что произошло с принцессой? – подумала Бельвейн. – Она больше не ребенок, она стала взрослой".

– Удо просто удержу не знает в таких делах, – охотно поддержал разговор Лионель. – Удо – самый пылкий из влюбленных.

Гиацинта продолжала:

– Отец будет в восторге. Вам, конечно, известно, что его величество прибывает завтра вместе со всей армией.

Графиня не вскрикнула и не упала в обморок. Она не попросила ни воды, ни нюхательных солей. Она не дрогнув приняла то, что, быть может, было самым большим ударом в ее жизни.

– Тогда мне, наверное, следует распорядиться приготовлениями к приезду его величества, если ваше высочество не против.

Она сделала реверанс и ушла.

Лионель и Гиацинта обменялись взглядами. "Это было восхитительно", – казалось, говорили их глаза.

Вскоре Гиацинта тоже отправилась во дворец, а Лионель остался в саду наедине с самым пылким из влюбленных.

– А теперь, – начал принц сердито, – скажи честно, что ты здесь делаешь.

Лионель взял его под руку и стал водить взад и вперед по мощеной дорожке.

– А как же твоя свадьба? В Арабии только об этом и говорят. Естественно, я прилетел сюда взглянуть на избранницу. Милый Удо, прими мои поздравления – она очаровательна.

– Не будь идиотом, Лионель. У меня нет ни малейшего намерения жениться.

– Тогда зачем же ты всем говоришь, что женишься?

– Ты прекрасно знаешь, что я никому ни о чем не говорил. Об этом и речи не было, пока ты не вмешался.

– Выходит, ты единственный, кто об этом не знает. Потому что принцесса знает, графиня знает, я знаю... Стало быть, тебе следует положить на наши слова и...

– Я не собираюсь... Что ты вцепился мне в руку?!

– Дорогой Удо, мы так давно не виделись, и я просто слегка расчувствовался. Не пристало отворачиваться от старых друзей только потому, что встретил более достойных и преданных... Хорошо, если тебе так хочется забыть старую дружбу, тогда конечно... Но когда я женюсь, в моем сердце всегда останется место для...

– Я хочу, чтобы ты понял раз и навсегда, – злобно прошипел Удо, – я вовсе не женюсь. Нет, оставь в покое мою руку – мы можем говорить и так.

– Прости, Удо, – сказал Лионель очень мягко, – кажется, произошла ошибка. Но согласись, мы застали тебя при весьма компрометирующих обстоятельствах.

– Ничего компрометирующего в них не было, – с негодованием возразил Удо. – Я просто рассказывал ей о драконе, которого убил в прошлом году.

– Вот я и говорю... Кто же станет слушать столь безнадежную историю, кроме женщины, на которой собираются жениться?

– Еще раз повторяю: я не собираюсь на ней жениться.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Что ж, ты волен поступать, как считаешь нужным. Только ты жестоко скомпрометировал ее этой своей историей. Бедная невинная девушка! Ладно, забудем об этом. А теперь скажи мне, как тебе понравилось в Евралии?

– Я сегодня же возвращаюсь в Арабию.

– Возможно, ты прав. Надеюсь, с тобой ничего не случится по пути...

Удо, который уже собирался войти во дворец, шагнул назад и настороженно взглянул на Лионеля.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, если ты помнишь, по дороге сюда с тобой что-то случилось... Кстати, что произошло? Ты же мне ничего не рассказал.

– Это все ваша драгоценная графиня, на которой вы собираетесь меня женить.

– Неужели? Как это дурно с ее стороны! Да, такого человека лучше не раздражать. – Он немного помолчал, а потом задумчиво добавил: – Между прочим, мне кажется, кто угодно рассердится, если думает, что выходит замуж за человека, которого очень любит, а потом вдруг оказывается, что не выходит...

Тут уж Удо понял, в какой переплет он попал. Но сделал вид, что ничуть не испугался.

– Она не сможет ничего сделать. В прошлый раз ей это удалось только благодаря случаю.

– Да, но случай может повернуться снова. Не хотел бы я оказаться на твоём месте. Она очень умна, и никто не может чувствовать себя в безопасности, имея такого врага. Прелестные цветы, не правда ли? Как они называются?

Удо в растерянности опустил на скамью. Было над чем подумать. Графиня... а в конце концов, чем она плоха? И она явно его обожает. Ну, это-то, конечно, не удивительно. Вопрос в том, благородно ли разочаровывать кого-либо, у кого, возможно, были некоторые основания...

Вообще-то он проявил не больше галантности, нежели приличествует принцу и джентльмену по отношению к красивой женщине. Если она неверно оценила его намерения, сама виновата. Конечно, ему не следовало так задерживаться в Евралии, но она решительно очень красива, и, может быть, он слишком... И он действительно слегка пренебрегал принцессой. И опять, почему бы и не жениться на графине?

Глупо, конечно, обращать внимание на всю эту чепуху, которую наговорил Лионель, но кто знает... Не то чтобы он решил жениться из страха. Нет, конечно нет. Это просто рыцарский жест. Бедная женщина наверняка будет сильно огорчена, и чувство долга повелевает ему избавить ее от страданий.

– Я вижу, она обожает цветы, – сказал Лионель.

– Тебе надо будет привести в порядок дворцовый сад.

– Вот что, Лионель, пойми, пожалуйста, я вовсе не боюсь графини.

– Дорогой Удо, что за речи для влюбленного! Конечно, не боишься. В конце концов, то, что ты перенес однажды с таким терпением и достоинством, в следующий раз покажется просто пустяковым делом.

– Мне крайне неприятна эта тема. Прошу тебя, прекрати! Если я женюсь на графине...

– Ты будешь счастливым человеком. Я случайно узнал, что король Евралии... однако, как видишь, она предпочла тебя. Лично мне непонятно, что она в тебе нашла...

– Ну, мне это представляется вполне очевидным, – с важностью изрек Удо. – Ты знаешь, Лионель, я думаю, что, может быть, ты прав и долг повелевает мне на ней жениться.

Лионель торжественно пожал ему руку:

– Я от души поздравляю ваше королевское высочество. Сейчас же сообщу о вашем решении принцессе. Она очень позаба... обрадуется.

И он вошел во дворец.

О вы, влюбленные, пожалейте его – он не видел Гиацинту уже целых десять минут.

Глава 20

Выясняется, что Лионель может по достоинству оценить хорошую историю

Я хочу начать эту главу цитатой из известной эпической поэмы Шарлотты Гулигулинг, посвященной бародо-евралийской войне:

Король Евралии закончил свой поход,
Победой славной осчастливив весь народ,
Вот первый взвод солдат уже виднеется вдали.
Они все шли, и шли, и шли, и шли, и шли...

Сразу представляешь себе, какой долгий путь проделала армия короля Евралии.

Насколько мне известно, это единственное дошедшее до нас произведение Шарлотты, но оно принесло ей заслуженную славу. Графиня Бельвейн, которая имела полное право судить о поэзии, была чрезвычайно высокого мнения о ее гении.

Если быть точным, из 5000 человек, отправившихся в поход, вернулись лишь 4999. Генри Малонос, лучник с большим будущим, остался на территории противника. Единственная потеря в этой необыкновенной войне. В самом начале ее во время одной из разведывательных операций, когда Генри, распластавшись, ползал по мокрой траве в поисках следов, его обнаружил Главный Оружейник Бародии. Главный Оружейник, очень добрый человек, пригласил Генри к себе, обсушил, напоил согревающим питьем и сказал, что если он по долгу службы вновь окажется где-нибудь поблизости, то пусть без церемоний заходит к ужину. Генри, перехватив взгляд старшей дочери Оружейника, без ложной скромности воспользовался приглашением и потом частенько заходил на огонек. Когда война кончилась, он понял, что никак не может расстаться с этим гостеприимным домом. Поэтому с соизволения короля Евралии он остался в Бародии, а с соизволения Главного Оружейника Бародии зажил жизнью женатого человека.

Когда наконец вдали показались башни замка, Веселунг радостно вздохнул. Снова дома! Невзгоды войны остались позади, плоды победы (завернутые в пергаментную бумагу) лежали у него в кармане, впереди были дни почетного отдыха. Он с умилением узнавал приметы своей милой родины, и сердце его было переполнено благодарностью. Никогда больше он не покинет Евралии!

Снова увидеть Гиацинту! Бедная девочка оставалась совсем одна, но нет, с ней была графиня, женщина с большим опытом, она помогала ей. Бельвейн! Осмелится ли он? Думала ли она о нем? Гиацинта взрослеет и скоро выйдет замуж. Его ждет одиночество, если не... Стоит ли рискнуть? Что скажет Гиацинта?

Гиацинта ждала его у ворот замка. Она хотела, чтобы Лионель встречал короля вместе с ней, но тот отказался.

– Новости надо сообщать постепенно, – сказал он. – Когда человек возвращается домой после успешной кампании, вряд ли ему будет приятно, если на него обрушится все разом. Подумай, ведь мы даже не знаем, почему окончилась война – он, наверное, мечтает тебе об этом рассказать. И не только об этом. А вот потом, когда он спросит: "Ну, что тут у вас делалось без меня? Надеюсь, ничего особенного", тогда ты скажешь...

– Да, тогда я скажу: "Ничего особенного, только Лионель. И какой замечательный!"

– Ну, у него на этот счет может быть другое мнение. Я пока побуду где-нибудь поблизости. Погуляю в лесу. Или могу остаться в саду графини и поразвлечься с Удо. В любом случае даю вам час.

Внушительная кавалькада приближалась к замку. Дамы размахивали платочками, дудели трубы, лаяли гончие. Гиацинта, одетая в голубое с золотом, сбегала по ступеням и бросилась в отцовские объятия.

– Мое дорогое дитя, – твердил Веселунг, ласково поглаживая ее по спине. – Ну, ну, успокойся же. Твой старый отец снова с тобой. – Он успокаивал ее, как будто это она, а не он сам вот-вот зарыдает. – Моя маленькая Гиацинта! Милая дочь!

– О, отец, я так рада, что ты вернулся!

– Я тоже, дитя мое. Теперь я должен обратиться к народу, а потом мы расскажем друг другу все, что с нами произошло за это время. Он выступил вперед на один шаг и произнес речь:

– Народ Евралии! (Приветственные крики.) Мы вернулись из долгого и опасного похода (овации) в объятия (бурные овации) наших матерей, жен и дочерей (продолжительные овации). В честь великой победы я объявляю завтрашний день государственным праздником Евралии (бурные овации). Теперь я разрешаю вам разойтись по домам и надеюсь, что каждого из вас ждет такой же теплый прием, какой ожидает меня в моем милом доме.

Тут он повернулся и снова заключил дочь в объятия, и если взгляд его скользнул над ее головой в направлении сада графини, то это не так уж важно и в этом, без сомнения, виновата планировка замка.

Последовала буря приветственных возгласов. Пять тысяч глоток проревели военный клич Евралии: "Хо, хо, Веселунг!", и люди радостно разбежались по домам. Веселунг с Гиацинтой вошли во дворец.

– Теперь, отец, – сказала Гиацинта, после того как король переделся и подкрепился, – ты должен мне все рассказать. Даже не верится, что все кончилось.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

- Да, да, – ответил Веселунг, – все кончилось. Я думаю, с этой стороны нам больше ничего не угрожает.
- Скажи, король Бародии принес извинения?
- Он сделал больше – он отрекся.
- Почему?
- Потому что... – Веселунг вовремя спохватился. – Ну, потому что я собственноручно нанес ему смертельный удар.
- О, отец, как это жестоко!
- Не думаю, что он сильно пострадал, дорогая. Скорее это был удар по его чувствам. Смотри, что я тебе привез.
- Он вынул из кармана маленький сверток.
- О, как интересно! Что это?
- Король развернул пергаментную бумагу и извлек пару рыжих бакенбардов, аккуратно перевязанных голубой ленточкой.
- Отец!
- Он взял в руки один из них и предъявил Гиацинте.
- Смотри, вот в это место угодила стрела Генри Малоноса. Между прочим, – добавил он, – Генри женился и остался в Бародии.
- Удивительно, как после войны мысли человека принимают матримонимальное направление. – Он выжидательно помолчал и покосился на дочь, но она все еще была поглощена бакенбардами.
- Что мне с ними делать? Не могу же я посадить их в саду.
- Я думаю, их можно прикрепить к флагштоку, как мы это сделали в Бародии.
- Мне кажется, это будет не очень-то благородным жестом теперь, когда бедняга умер.
- Веселунг оглянулся, чтобы удостовериться, что в зале нет лишних ушей.
- Ты умеешь хранить тайны? – спросил он многозначительно.
- Конечно, – сказала Гиацинта, сразу же решив, что она поделится секретом только с Лионелем.
- Тогда слушай.
- Он рассказал ей о тайной вылазке в неприятельский лагерь в палатку короля Бародии, о письме короля Бародии. Он рассказал все, что он говорил и делал и что делали и говорили все остальные, и его мальчишеское удовольствие было столь явно и столь невинно, что даже посторонний проникся бы к нему искренней симпатией.
- А Гиацинте он казался самым милым из отцов и самым замечательным из королей.
- Но мало-помалу дошла очередь и до того, о чем говорил Лионель.
- А теперь, – попросил Веселунг, – расскажи, что вы все тут поделывали без меня?
- Он ждал, гадая, понимает ли Гиацинта, что "все" означает, в основном, графиню.
- Гиацинта подвинула кресло и села рядом с ним.
- Отец, – сказала она, погладив его по руке, – у меня действительно есть новости.
- Ничего о гра... ничего серьезного, я надеюсь? – с тревогой проговорил Веселунг.
- Это довольно серьезно, но довольно мило. Отец, дорогой, ты не возражаешь, если я выйду замуж?
- Девочка моя, как же я могу возражать? Дай подумать, – ведь недавно ко мне обращались не то шесть, не то семь принцев. Я послал их пока совершать разные подвиги. Но, пожалуй, они уже должны были бы вернуться. Тебе о них ничего не известно?
- Нет, отец, – Гиацинта едва заметно улыбнулась.
- Ну, значит, им не повезло. Ничего страшного, дорогая, мы с легкостью раздобудем новых претендентов. На самом деле я совсем недавно об этом думал. Надо устроить небольшое состязание и сообщить о нем в соседние страны. Недостатка в кандидатах не будет. Интересно, этот семиголовый бык... Он, правда, староват, но на последнего принца его хватило. Мы могли бы...
- Мне не нужны никакие претенденты, – мягко возразила Гиацинта. – Один уже есть.
- Моя дорогая, вот это действительно сюрприз! Расскажи все по порядку. Какой подвиг он совершил?
- Гиацинта знала, что без этого вопроса не обойдется. В наше время ее бы спросили: "Какой у него годовой доход?" Должен же мужчина как-то продемонстрировать, чего он стоит.
- Пока никакого. Он только что приехал. Он был так добр ко мне, и я уверена, что тебе он тоже очень понравится.
- Хорошо, хорошо, мы для него что-нибудь придумаем. Может, все-таки этот семиголовый бык... Между прочим, кто он такой?
- Он приехал из Арабии, и его зовут...
- Удо, конечно.
- Отец, но это не Удо, это Лионель.
- Лионель? Кто бы это мог быть? – с сомнением проговорил Веселунг.
- Он... он... Отец, вот он! – Гиацинта подбежала к дверям. – О, Лионель, ты как раз вовремя. Расскажи, пожалуйста, моему отцу, кто ты такой.
- Лионель низко склонился перед королем.
- Прежде чем я вам все объясню, ваше величество, позвольте мне от всего сердца поздравить вас с вашей славной победой над Бародией. Из того немногочисленного, что мне удалось узнать, я уже понял, что это самая замечательная из всех самых замечательных побед. Но, конечно, я был бы счастлив услышать все подробности из уст самого победителя. Правда ли, что вы, ваше величество, под покровом ночи проникли в палатку самого короля Бародии, вызвали его на смертельный бой и сразили?
- В глазах юноши король увидел располагающую серьезность, и сразу становилось понятно, что он от души завидует такому славному приключению.
- Веселунг находился в довольно затруднительном положении. Конечно, он мог бы выслать дочь из комнаты, сказав: "Оставь нас, дитя мое. Это мужское дело". Но Гиацинта сразу все поймет и потом наверняка сообщит этому Лионелю правду.
- Получалось, что ничего другого не остается, как посвятить молодого человека в тайну. Для начала он громко откашлялся.
- Мы нарочно распустили этот слух. По причинам государственной важности, – торжественно объявил он.
- Простите, ваше величество, я не имею намерения...
- Но раз уж я сказал так много, то придется рассказать и все остальное. Это произошло так...
- И он еще раз поведал о своем ночном подвиге и о письме короля Бародии.
- Но, ваше величество, – воскликнул Лионель, – это же в сто раз интереснее! Я в жизни не слышал о столь остроумном замысле и столь блестящем его осуществлении.
- Значит, вам понравилось? – спросил Веселунг со всей доступной ему скромностью.
- Я просто в восторге!
- Я так и знала, что ему понравится, – вставила Гиацинта. – Лионель просто обожает подобные приключения. Теперь расскажи ему, как ты сражался один на один с королем Бародии, и как ты притворился свинопасом, и как...
- Разве он мог отказаться? Спустя некоторое время Гиацинта и Лионель сидели на полу у его ног, а он снова вздохнул расписывая свои подвиги.
- Ну, это еще ерунда, – сказал он, окончив великую повесть и получив новую порцию заслуженного восхищения. – В военное время и не такое случается... – Он обратился к Лионелю: – Насколько я понимаю, вы хотите жениться на моей дочери?
- Разве это удивительно, ваше величество?
- Нет, конечно, совсем не удивительно. А она, кажется, хочет выйти за вас замуж?
- Да, отец, очень хочу!
- Вот это, – заметил Лионель, – гораздо более удивительно.
- Веселунг, однако, так не думал. Ему нравилось открытое лицо молодого человека, его манера держаться, его взгляд. Но больше всего ему нравилось, что тот способен по достоинству оценить хорошую историю.
- Конечно, вам придется заслужить эту честь.
- Я готов на все, ваше величество. Только не просите меня, – добавил Лионель с обезоруживающей улыбкой, – добыть бакенбарды короля Бародии. Есть лишь один человек на свете, которому под силу такое. Действительно, совершенно замечательный юноша!
- Для вас тоже что-нибудь найдется, – сказал Веселунг с весьма довольным видом. – Может быть, ваш принц Удо захочет принять участие в состязании, и тогда...
- Гиацинта и Лионель обменялись улыбками.
- Увы, отец, мои прелести не в силах увлечь его высочество.
- Подожди, пока он тебя увидит, – возразил король, усмехнувшись.
- Он уже видел меня, отец.
- Как? Ты пригласила его в Евралию? Я не понимаю – он был здесь, видел тебя и не...

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Принц Удо, – вмешался Лионель, – одарил своим вниманием другую.
– Ага, значит, это секрет... Интересно, смогу ли я угадать?.. Как насчет принцессы Эльвиры из Трегонга? Мне известно, что ее отец делал кое-какие шаги в этом направлении.
Гиацинта оглянулась на Лионеля, ища у него поддержки. Он сделал шаг вперед и встал рядом.
– Нет, это не принцесса Эльвира. – Гиацинта уже сильно волновалась.
Король добродушно рассмеялся:
– Тогда сдаюсь.
Гиацинта незаметно протянула руку, и Лионель ободряюще пожал ее.
– Его высочество принц Удо, – решила она наконец, – собирается жениться на графине Бельвейн.

Глава 21

Принца Удо преследует змея

У Бельвейн оказалось в распоряжении двадцать четыре часа, чтобы обдумать случившееся.

Конечно, графиня обладала некоторыми недостатками, но на отсутствие чувства юмора она пожаловаться не могла и поэтому невольно улыбалась, вспоминая недавнюю сцену в саду. И как бы ни сожалела она о своей неожиданной помолвке, она была совершенно уверена, что Удо жалеет о ней еще больше. Если дать ему хоть малейшую возможность, он с радостью пойдет на попятный.

Тогда почему бы не предоставить ему такую возможность? "Милый принц Удо, умоляю вас о прощении, но я ошиблась в истинности своих чувств", произнесенное, разумеется, со склоненной головой и краской девичьего стыда на щеках... Удо поспешно удаляется, а его место занимает король Веселунг. Это совсем несложно.

Да, но тогда получится, что Гиацинта одержала верх. Гиацинта навязала ей эту помолвку, и, даже если она продлится всего лишь сутки, принцесса все это время будет торжествовать победу. Но если сделать вид, что она очень рада случившемуся, и довести до сведения врагов, что только этого и хотела, тогда их победа сама собою обращается в поражение.

Значит, придется выйти замуж за Удо как бы по собственной воле. Но цена, пожалуй, слишком высока. Он уже ей страшно надоел, и к тому же она имела твердое намерение выйти замуж вовсе не за принца Удо, а за короля Веселунга.

Все понятно – сделать вид, что выходит замуж за Удо, чтобы Веселунг испытал муки ревности, тогда он станет соперничать с Удо и на коленях умолять ее расторгнуть помолвку. Затем убрать Удо, который уже сыграет свою роль. Это единственно правильный образ действий.

Графиня не сразу пришла к столь блистательному решению. Предварительно она сочинила "Оду к Отчаянию", "Элегию к Несчастной Женщине" и "Триолет к Коварному Герцогу". Она также с полной серьезностью воображала, как будет жить в маленьком домике в лесной глуши, носить печальное серое платье и общаться лишь с птицами и деревьями – жизнь изгнанницы вдали от мирской суеты, в которую нет доступа мужчинам. В этой картине были свои привлекательные стороны, но потом она пришла к выводу, что серый цвет ей не к лицу.

Она спустилась в сад и послала за принцем Удо. Примерно в тот самый миг, когда на Мерривига обрушился сокрушительный удар, Удо клялся на солнечных часах, что он обожает лишь одну Бельвейн и с нетерпением ожидает того часа, когда она сделает его счастливейшим из смертных. Намеки Лионеля, по-видимому, произвели на него сильное впечатление.

– На графине Бельвейн!!! – вскричал Веселунг. – Какой-то принц Удо собирается жениться на графине Бельвейн! – Он сверлил взглядом

Гиацинту и Лионеля, как будто это они были во всем виноваты (что на самом деле являлось чистой правдой).

– Почему ты не сообщила мне об этом раньше?

– Но помолвка только что была объявлена, отец.

– Кем объявлена?

Они переглянулись.

– Ну, принцем Удо, – принужденно сказал Лионель.

– Эго просто неслыханно! Я этого не потерплю.

– Но, отец, тебе не кажется, что из графини получится неплохая королева?

– Из нее выйдет прекрасная коро... Это не имеет никакого отношения к делу. Месяц за месяцем я несю непосильное бремя, воюя в чужой стране. После ужасающих сцен насилия и жестокости я возвращаюсь домой, чтобы насладиться плодами победы. И не успеваю переступить порог собственного дома, как на меня обрушивается все это.

– Что "все это"? – невинно спросила Гиацинта.

– Все это, – негодующе ответил король, обводя рукой все вокруг. – Это никуда не годится. Я этого не потерплю. Имей в виду. Гиацинта, я этого не потерплю!

– Но, отец, что же я могу сделать? Веселунг не обратил на ее слова ни малейшего внимания.

– Я возвращаюсь домой, – продолжал он, распаясь все больше и больше, – увенчанный лаврами победы. В место, которое считал своим родным мирным домом. И что меня ждет? Кто-то собирается жениться на ком-то здесь, и кто-то собирается жениться на ком-то там; ни одного имени невозможно упомянуть, чтобы тут же не услышать, что он собирается жениться или еще какой-либо подобной чепухи. Я совершенно всем этим расстроен. Я в гневе!

– Ах, отец, – умоляюще заговорила Гиацинта. – Почему бы тебе не найти графиню и не поговорить с ней самому?

– Подумать только, что все это время я с таким нетерпением ожидал возвращения, и вот чего я дождался!

– Отец! – воскликнула Гиацинта, бросаясь к нему с протянутыми руками.

– Позвольте мне послать за ее светлостью, – начал Лионель, – может быть, она...

– Нет, нет, – ответил Веселунг, отстраняя их взмахом руки. – Я очень недоволен вами обоими. Я и сам о себе позабочусь.

Он вышел и гневно хлопнул дверью.

Гиацинта и Лионель растерянно уставились друг на друга.

– Дорогая моя, – сказал Лионель, – ты говорила, что он от нее без ума, но не говорила, что настолько.

– Но я сама не знала. Лионель, что делать? О, теперь я хочу, чтобы он на ней женился. Он совершенно прав: из нее выйдет прекрасная королева. Милый, я хочу, чтобы все были так же счастливы, как будем счастливы мы.

– Так у них не получится, но мы постараемся сделать все, что в наших силах. Удо я беру на себя. Стоит ему услышать "кролик", и он сделает что угодно. Гиацинта, мне кажется, что в этой комнате мы еще ни разу не целовались. Давай немедленно попробуем.

Вторую парочку Веселунг обнаружил в саду. Они сидели рядышком на скамье, и Удо ворковал, что он ее маленький Удо-Вудо и что они никогда не должны разлучаться. Король прикрыл глаза ладонью, будучи не в силах вынести подобного зрелища.

– О, это его величество, – сказала Бельвейн, увнечив со скамейки.

Она низко присела перед его величеством, увнечив реверанс обольстительной улыбкой и предоставив ему самому судить о том, была ли эта улыбка формальностью или чем-то большим.

– Позвольте мне представить вашему величеству наследного принца Арабии Удо. – Она застенчиво взглянула на Веселунга. – Наверное, вы уже знаете...

Веселунг мрачно ответил:

– Слышал. Как поживаете? – рассеянно обратился он к наследному принцу.

Удо объявил, что в настоящий момент здоровье его не оставляет желать лучшего, и уже собирался углубиться в подробности этого предмета, но Веселунг его прервал.

– Графиня, мне эти новости кажутся по меньшей мере странными. Не позволите ли присесть, конечно, если я вам не помешаю.

– Ваше величество, вы окажете нам большую честь. Удо, дорогой, ты видел цапель на пруду?

– Да, – ответил Удо.

– В это время дня они просто прелестны...

– Да, – снова сказал Удо.

Графиня слегка пожала плечами и повернулась к королю.

– Я мечтаю услышать о ваших подвигах, ваше величество. – Она немного понизила голос. – Я получала все ваши приветы. С вашей стороны было очень мило изредка обо мне вспоминать.

– Да. – Веселунг взглянул на нее глазами, полными укора. – Но что я вижу, возвратившись? Я вижу... – он запнулся и движением бровей показал, что присутствие Удо лишает его дара красноречия.

– Удо, дорогой, а ты бывал на псарне его величества?

– Да, – сказал Удо.

– В это время года она просто прелестна, – заметил Веселунг.

– Правда? – сказал Удо.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Но я жажду услышать, – начала снова графиня, – как вы победили короля Бародии. Не обошлось ли тут дело без вашего заклинания?
– Неужели вы его помните?
– О, ваше величество, помню ли я... Бо, бо, бил... Удо, дорогой, ты не хочешь взглянуть на оружейный зал?
– Нет, – сказал Удо.
– Там много новых вещей, которые я привез из Бародии, – с надеждой проговорил Веселунг.
– Масса новых вещей, – объяснила графиня.
– Попозже, – решительно сопротивлялся Удо. – Мне кажется, они будут значительно лучше смотреться при вечернем освещении.
– Тогда покажите их мне, ваше величество. Удо, дорогой, ты можешь подождать меня здесь.
Они вдвоем чинно двинулись по дорожке (Удо от удивления остался на месте), но как только зашли за куст жимолости, на цыпочках пробрались по газону к другой садовой скамье. Причем графиня шла впереди, приложив палец к губам, а король следовал за ней с необыкновенной осторожностью, которую даже разведчик Генри Малонос считал бы чрезмерной.
Когда они наконец уселись, король сказал:
– Этот молодой человек... он немного туго соображает, вам не кажется? То есть, я хочу сказать, он не понимает, когда...
– Он так ко мне привязан, ваше величество, – по ее лицу скользнула ласковая улыбка. – Даже минутная разлука со мной для него невыносима.
– О, Бельвейн, как это все печально... Месяц за месяцем я тружусь и сражаюсь, размышляю и строю планы, а потом... Помните, как мы все были счастливы перед войной?
Графиня вспомнила, как однажды они еще раз были все счастливы – и она, и принцесса, и Виггз – и как приезд Удо грозил разрушить их счастье. Вообще Удо, как ни посмотри, никому не принес ничего, кроме неприятностей. Но пока еще было слишком рано от него избавляться.
– А разве сейчас мы все не счастливы? – удивилась она. – Ее высочество со своим юным герцогом... а у меня есть мой милый Удо, а у вас, ваше величество..., Первый Советник и... все остальные подданные вашего величества.
Его величество глубоко вздохнул:
– Я очень одинок, Бельвейн. Когда Гиацинта выйдет замуж, у меня совсем никого не останется.
Бельвейн решила рискнуть.
– Вашему величеству следует жениться, – почти пропела она.
Он вложил в свой взгляд все невыразимое. И открыл рот, чтобы попытаться выразить хотя бы часть из этого, когда...
– Не при Удо, – выразительно прошептала графиня. Веселунг как ужаленный вскочил со скамьи и, скривившись, смотрел на принца, который приближался по газону.
– Ну и ну! – возмущенно сказал он. – Ну и местечко! Человеку даже негде... А-а, ваше высочество... Так вы осмотрели наш оружейный зал? То есть, я хотел сказать, – поправился он, поймав укорованный взгляд графини, – осмотрели ли мы наш оружейный зал? Да, мы осмотрели. Ее светлости очень понравилось.
– Не сомневаюсь, ваше величество. – Удо обернулся к Бельвейн: – Как только мы приедем домой, дорогая, я сразу же покажу вам наш оружейный зал.
Графиня быстро взглянула на короля и, убедившись, что он на нее смотрит, очень нежно погладила принца по руке.
– Домой... – повторила она мечтательно. – Как это прекрасно!
Король передернулся, словно от внезапной боли, и быстро зашагал прочь.
– Вы посылали за мной, ваше величество? – спросил Лионель, появляясь в дверях.
Король перестал рассказывать по библиотеке.
– Да, да, – проговорил он торопливо. – Садитесь вот сюда и устраивайтесь поудобнее. Я хочу поговорить с вами насчет этого брака.
– Которого именно, ваше величество?
– Которого? Разумеется, вашего. То есть Бельвейн... или скорее... В общем – обоих.
Лионель кивнул.
– Вы хотите жениться на моей дочери. Так вот, как вам известно, по обычаю, человек, которому я отдаю в жены дочь, получает в придачу полкоролевства. Естественно, прежде чем пойти на такой шаг, я хочу быть уверенным в том, что этот человек... Ну, словом, вы понимаете...
– Что он достоин принцессы Гиацинты, – закончил за него Лионель и с улыбкой прибавил: – Хотя это, конечно, невозможно.
– И половины королевства, – подчеркнул Веселунг.
– То, что он должен доказать это на деле, также соответствует традиции.
– Приказывайте, ваше величество.
– Я в вас уверен.
Король придвинул свой стул поближе к Лионелю, уселся на него и обхватил колени руками.
– При обычных обстоятельствах, – начал он, – я предложил бы вам что-нибудь вроде дракона или тому подобное. Это бывает очень полезно, потому что мысль о предстоящем испытании часто помогает претенденту понять, пока еще не поздно, что чувства, принимаемые им за истинную любовь, на самом деле всего лишь легкое увлечение. Однако я чувствую, что в вашем случае в таком испытании нет необходимости.
Лионель с признательностью склонил голову.
– Благодарю вас, ваше величество.
– В доблести вашей я не сомневаюсь. Мне требуется доказательство мудрости. В наши дни, как мне кажется, мудрость более всех других качеств необходима правителю. Прекрасным примером, – небрежно вставил он, – может послужить недавно окончившаяся война с Бародией, ход которой решила одна-единственная идея...
– Поистине гениальная идея, ваше величество.
– Хорошо, хорошо, – остановил его польщенный Веселунг. – Так уж получилось... Но именно это я и имею в виду, когда говорю, что тонкий ум может оказаться куда более надежным оружием, чем храбрость. Чтобы завоевать руку моей дочери и полкоролевства, вам придется проявить почти сверхъестественный ум.
Он сделал паузу, в течение которой Лионель изо всех сил постарался придать выражение сверхъестественного коварства своему честному и открытому лицу.
– Вы получите и то и другое, – торжественно произнес Веселунг, – если вам удастся убедить принца Удо... вернуться в Арабию... одному! Лионель, ожидавший самого худшего, даже задохнулся. Это было так просто, что казалось неловким принимать предложение. Для того чтобы убедить Удо сделать то, к чему он сам всей душой стремился, не требовалось ничего сверхъестественного. В какое-то мгновение он чуть было не поддался желанию так и объявить королю, но сдержался. В конце концов, если ему так хочется, пусть так и будет.
Веселунг, человек по природе простодушный, неверно расценил его колебания.
– Я понимаю, – заговорил он сочувственно и несколько виновато, – что поставил перед вами почти неразрешимую задачу и вы, естественно, обескуражены. Это неудивительно. Вы знаете его высочество гораздо лучше, чем я, но даже краткого знакомства с ним мне оказалось достаточно, чтобы убедиться, что он упорно отказывается понимать... ээ... намеки. Человек, который сумеет донести до него с должной долей такта и настойчивости, что Арабия нуждается в его немедленном присутствии – одного его, – должен обладать поистине змеиной мудростью.
Человек, обладающий змеиной мудростью, просто сказал:
– Ничего не остается, как попытаться.
Король радостно вскочил и тепло пожал ему руку.
– Думаете, получится? – спросил он с надеждой.
– Если принц Удо завтра же не отправится в Арабию...
– Один, – быстро вставил Веселунг.
– Один, значит, я не справился с заданием и недостоин руки вашей дочери!
– Дорогая, – сказал король Гиацинте, когда она пришла пожелать ему доброй ночи, – похоже, ты собираешься выйти замуж за очень умного человека.
– Конечно, отец. Я-то это давно знаю.
– Надеюсь, ты будешь с ним так же счастлива, как я буду счастлив с... как я был счастлив с твоей матерью.
"Хотя я решительно не понимаю, на что он надеется", – подумал он про себя.

Глава 22

Семнадцать томов отправляются на полку

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Король Восточной Евралии Веселунг завтракал на башне своего замка. Он снял золотую крышку с золотого блюда, выбрал форель и аккуратно переправил ее на золотую тарелку. Когда у вас есть тетушка... но не стоит повторяться.

Король Западной Евралии Лионель завтракал на башне своего замка. Он поднял золотую крышку с золотого блюда, выбрал форель и аккуратно переправил ее на золотую тарелку. Когда у вашего тестя есть тетушка...

Наследный принц Арабии Удо завтракал... Но нет, я не могу больше описывать, как Удо принимает пищу. В этой книге и так было более чем достаточно еды и питья. На самом деле, было достаточно всего, и настало время прощаться.

Давайте сначала попросимся с принцем. Его отъезд из Евралии был крайне скоропалительным. Пятиминутного разговора с Лионелем оказалось достаточно – принц охотно позволил убедить себя в том, что он неверно оценил чувства графини, и с радостью принял сообщение, что может покинуть Евралию без всякого риска.

– Вы непременно должны навестить нас снова, – попрощался с ним Веселунг.

– Да, я буду очень рада, – сказала Гиацинта.

Есть два способа говорить подобные вещи, и они выбрали второй, как, впрочем, и Удо, отвечавший, что будет в восторге.

Ровно неделю спустя состоялась знаменитая двойная свадьба. Роджер Кривоног посвятил целую главу описанию того, как король Веселунг произносил речи, а королева Бельвейн одаривала народ. На этот раз мы с Роджером сошлись во мнениях относительно Бельвейн: добродетели, в которых историк отказывал графине, он охотно приписал королеве.

Гиацинта тоже не смогла устоять перед ее обаянием. Бельвейн, верхом на своем иноходце, с радостным взором и розами на щеках, с полуоткрытыми от усердия губами, пригоршнями бросающая золото и серебро в толпу, отдающую себе отчет в ее ребячливости и все же полную искреннего восхищения, – в этот день Бельвейн покорила все сердца.

– Все-таки она прелесть, – сказала Гиацинта Лионелю. – Лучшей королевы и желать нельзя.

– Я знаю одну королеву, – ответил Лионель, – которая лучше в сто раз.

– Но ты ею восхищаешься, правда?

– Не особенно.

– О, Лионель, ты должен... – возразила Гиацинта, но почувствовала себя очень счастливой.

На следующий день они отбыли в свое королевство. Советник провел очень напряженную неделю и каждый вечер вел таинственные беседы с женой, но теперь его работа была завершена, и отныне король Веселунг правил Восточной Евралией, а король Лионель – Западной.

Перед тем как перейти к последней сцене, давайте заглянем в знаменитый Дневник.

И вот что мы там видим:

"Четверг, пятнадцатое сентября. Стала хорошей".

А теперь последняя сцена.

Король Веселунг сидел в саду королевы Бельвейн. Все утро они просматривали совместный сборник поэзии, готовый к изданию.

Сборник открывался произведением, принадлежащим перу Веселунга:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

Примечание авторов гласило, что читать его можно с любого конца. Оставшаяся часть книги была посвящена творчеству Бельвейн, а участие короля заключалось, в основном, в "Превосходно!" и "Мне очень нравится". Однако в сборник загадочным образом затесалась эпическая поэма, обычно приписываемая Шарлотте Гулигулинг.

– Некий субъект просит аудиенции у вашего величества, – объявил внезапно появившийся ливрейный лакей.

– Какой субъект? – спросил Веселунг.

– Некий, ваше величество.

– Прими его здесь, дорогой, – сказала Бельвейн. – У меня есть дела во дворце.

Она ушла, а через некоторое время лакей привел незнакомца. Это был человек приятной наружности, с круглым, чисто выбритым лицом, имеющий, судя по его одежде, некоторое отношение к сельскому хозяйству.

– Что вам угодно? – спросил его Веселунг.

– Я хотел бы поступить на службу к вашему величеству. Свинопасом, – ответил незнакомец.

– А что вы знаете о свиноводстве?

– У меня есть природная склонность к этому делу, хотя я никогда еще им по-настоящему не занимался.

– Со мной в точности то же самое. Ну ладно, посмотрим. Как бы вы стали...

Незнакомец достал из кармана огромный красный носовой платок и вытер лоб.

– Вы собираетесь задавать вопросы, ваше величество?

– Да, естественно, я...

– Умоляю вас не делать этого. Заклинаю вас всем, что вам дорого, не мучайте меня. – Он собрался с духом и, ударив себя кулаком в грудь, заявил: – У меня есть природное чутье – этого достаточно.

Веселунгу этот человек начал нравиться. Сам он тоже считал, что этого достаточно.

– Однажды у меня завязался профессиональный разговор с одним свинопасом, – задумчиво проговорил он, – и мы выяснили, что у нас много общего.

– Именно таким же образом, – сказал незнакомец, – и мне открылось мое призвание.

– Как странно. Знаете, а ведь ваше лицо кажется мне немного знакомым.

Незнакомец решил открыться.

– Этим лицом я обязан вам, ваше величество, – просто ответил он.

Веселунг в недоумении поднял брови.

– Короче говоря, – пояснил незнакомец, – я – бывший король Бародии.

Веселунг схватил его за руку.

– Мой дорогой друг! Конечно, это вы. Теперь я вас узнал. Боже мой, какие волнующие воспоминания... И, если можно так выразиться, какие явно благотворные перемены в вашем облике. Я очень рад вас видеть. Вы должны мне все-все рассказать. Но сначала нам необходимо слегка подкрепиться.

При слове "подкрепиться" бывший король совсем раскис, и, если бы не воркотня и утешения Мерривига, и дружеское похлопывание по плечу, и, наконец, плотный завтрак, он бы наверняка прослезился.

– Дорогой друг, – сказал он, в последний раз утерев рот. – Вы меня просто спасли. А теперь позвольте поведать вам мою печальную историю.

Он рассказал о своем великом решении, принятом в то памятное утро, когда он проснулся без бакенбардов. Как король он стал никуда не годен, да и сам мечтал начать новую жизнь.

– У меня есть природный дар – инстинктивное чувство, и, что бы там они ни говорили, а они говорили много ужасных вещей, я в нем уверен. Знаете ли, я ведь однажды это доказал – ошибки быть не могло.

– И что же?

– А они задавали мне всякие вопросы – мелкие бестактные вопросы насчет того, что свиньи едят и тому подобное. Великие общие принципы свиноводства, то, что я осмелюсь назвать искусством водить свиней, теорию выпасания свиней в широком понимании, они полностью игнорировали. Только смеялись и пинками выпроваживали меня на улицу... голодать.

Веселунг снова сочувственно похлопал собрата по плечу и подложил ему на тарелку добавки.

– Я обошел всю Бародию, и везде было одно и то же: никто не хотел брать меня на работу. Нет ничего страшнее, дорогой Веселунг, чем постепенно терять веру в себя. Наконец, я стал подозревать, что в свиньях Бародии, несомненно, есть нечто отличное от остальных свиней.

И вот я пришел в Евралию. Евралия – моя последняя надежда. Если и здесь я окажусь не у дел, то даже не знаю...

Веселунг, который тоже стал кое-что подозревать, перебил его.

– Минуточку, а с каким свинопасом вы говорили...

– Я со многими говорил, – печально ответил король Бародии. – Они все подняли меня на смех.

– Нет, самый первый. Тот, который помог обнаружить ваш талант.

– Ах, этот... Я встретил его в самом начале войны. Помните, вы как-то раз говорили, что у вашего свинопаса есть плащ-невидимка. Так вот, это он и был.

Веселунг с состраданием взглянул на него и печально покачал головой.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Мой бедный друг, это был я.

Они уставились друг на друга, и каждый из них перебирал в уме подробности этой знаменательной встречи.

– Да, – пробормотали они наконец, – это были мы.

В памяти короля Бародии возникали ужасающие картины того, к чему привела эта встреча. Чего он только не наговорил о свиноводстве и свиньях! Что говорили ему другие, уже казалось неважным.

– Даже не свинопас! – признал он с горечью.

– Ну, ну, – проговорил Веселунг успокаивающе, – во всем можно найти положительные стороны. Вы можете вернуться на престол.

Бывший король отрицательно покачал головой:

– Это было бы недостойным выходом для человека с моим чувством чести. Нет, я останусь верен своему призванию. Все-таки за последнее время я кое-чему научился. По крайней мере, я понял: то, что я знаю, нельзя считать знанием, а это уже немало.

Веселунг сердечно предложил:

– Тогда оставайтесь у меня. Мой свинопас обучит вас ремеслу, а когда он отправится на покой, вы займете его место.

– Вы это и вправду предлагаете?

– Конечно, я буду очень рад, если вы будете жить поблизости. Вечером, уложив свиней спать, вы сможете навещать нас, и мы очень мило поболтаем.

– Благослови вас Бог, ваше величество, – сказал новоиспеченный ученик свинопаса со слезами благодарности на глазах. – Благослови вас Бог.

Они пожали друг другу руки в знак обоюдного расположения.

– Дорогая, – сказал вечером Веселунг своей жене. – Боюсь, ты сделала не самый удачный выбор. Сегодня я случайно обнаружил, что я совсем не так умен, как мне казалось.

Бельвейн с любовью посмотрела ему в глаза.

– Быть умным совсем необязательно для монарха. Или для мужа.

– А что обязательно?

– Просто быть милым, – ответила королева Бельвейн.

На этом моя история кончается. Вздыхая, я освободил письменный стол от груза семнадцати томов и перетащил их один за другим на специально построенную книжную полку. Много дней они висели между мной и миром непреодолимой преградой, укрывшись за которой я уносился в те далекие времена и жил с Веселунгом, Гиацинтой и моей леди Бельвейн. Теперь эта преграда рухнула, и в ярком свете дня, льющегося в комнату, видения тают. Когда-то, давным-давно...

И все же один образ еще не потускнел. Высокий и тонкий человек с изможденным бледным лицом, самая примечательная часть которого – длинный вопрошающий нос. Волосы нестрижены и нечесаны, красновато-коричневый сюртук, кое-как застегнутый на груди, давно не чищен, из коротковатых штанин торчат худые ноги.

Непрезентабельная фигура, но тем не менее я смотрю на него с большой нежностью. Ибо это Роджер Кривоног, спешащий во дворец за очередной порцией свежих новостей.

С Роджером я тоже должен проститься, и делаю это не без сожаления, потому что часто бывал несправедлив к этому человеку, которому стольким обязан. Может быть, мы расстанемся не навсегда – в его семнадцати томах есть много других историй. В следующий раз я обещаю не вмешиваться и дать возможность Роджеру изложить историю по-своему. Думаю, он будет рад.

Но я не позволю ему рассказывать о Бельвейн. Прошлым летом я встречал Бельвейн (или кого-то очень на нее похожего) в загородном доме в Шропшире, и мне совсем не хотелось бы ее огорчать. А я знаю, что Роджер недостаточно хорошо к ней относится.